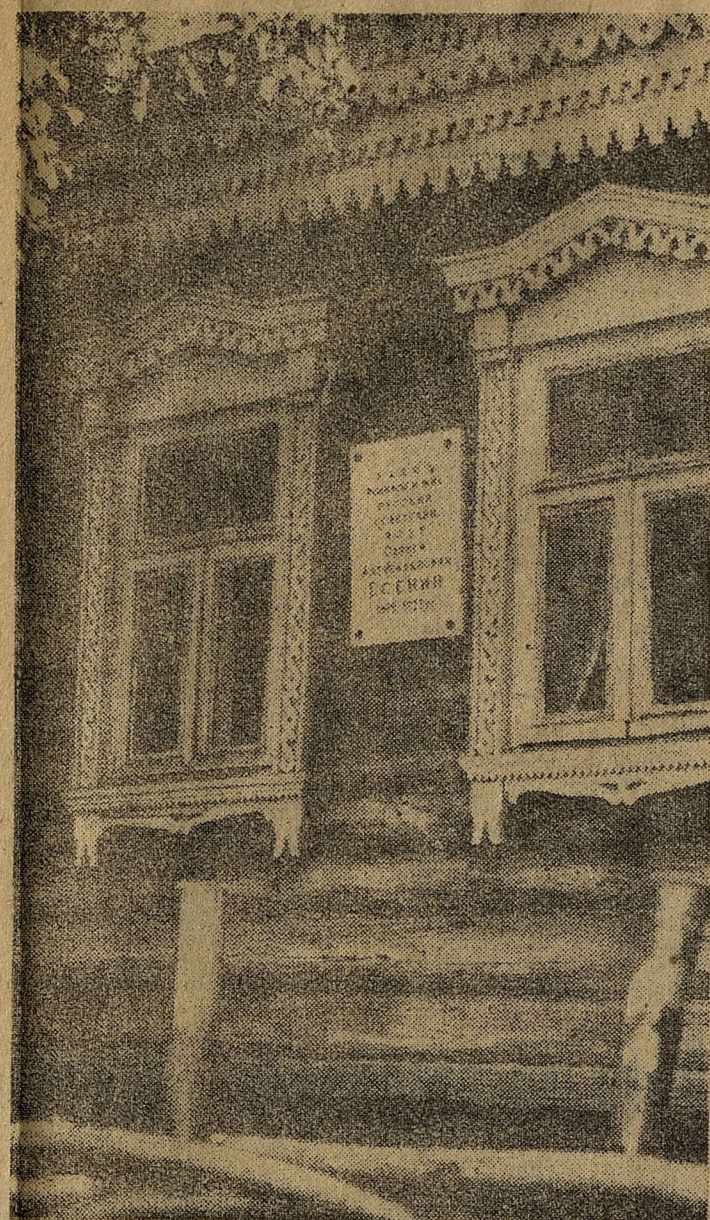

«Нежным дается печаль»

Хотя в стихотворении «Не жалко, не зову, не плачу...» Есенин и сказал:

Я теперь скучнее стал
в желаньях,
Жизнь моя? иль ты
приснилась мне?
Словно я весенней гудкой
ранью
Проскакал на розовом
коне, —

Он поэт целиком осенний и, может быть, самый осенний из всех русских поэтов. Да и сама его творческая жизнь по сути уместилась в три месяца: с октября по декабрь, странным образом совмещившись с датами рождения и смерти. Его настоящая родина, как это ни парадоксально звучит, не село Константиново, а русская осень, чей минор под лучами уже низкого октябрьского солнца так красочен и пронзителен, что способен заворочить и не столь восприимчивую душу, а точнее, так глубоко ее ранить, что она уже никогда не выздоровеет и «костер рябины красной» будет неизменно отзываться в ней то ли музыкальным ритмом, то ли стройным звоном слов, то ли тайной немеркнувших красок.

Многие, особенно короткие, стихи Есенина настолько, так сказать, словослитны, что, несмотря на пестроту, напоминают не прошлые цветастые шали рязанских баб, а легкую стаю березовых или кленовых листьев, какие, словно стаи испуганных птиц, слетают с осенних деревьев в тихий день при первом же колебании эфира. И как падающие

листья ласкают взор и тревожат душу, так и поэзия Есенина ласкает слух и опять же тревожит душу. Если его стихи читать под музыку, то прежде всего под такую, как фаминорный вальс Шопена или соль-минорная симфония Моцарта. Тут почти полная созвучность. Если же говорить о «сокращенности» (разумеется, по настроению), то придется вспомнить поэтические картины Виктора Борисова-Мусатова. Родство всего, что я назвал, обусловлено мечтой о гармонии, а точнее, скольжением бытия к призрачности, когда движение еще еле заметно.

Сама по себе поэзия Есенина не настолько проста и прозрачна, как это кажется человеку, привыкшему не заглядывать в глубину, а скользить по поверхности. В чем же тогда ее притягательность и популярность в народе? Или запретный плод сладок? Действительно, сам я, земляк поэта, прочитавший все до единой книги в школьной библиотеке старинного села Каргашино, с его стихами впервые повстречался солдатом в поезде, который вез меня в Приморье. Они были переписаны в две тетрадки четким, как сейчас помню, почерком. Я был поражен не столько пейзажностью слога, есенинским звеньем, даже не концентрированным, так сказать, настоящим картин, знакомых мне с детства, сколько рассказанностью изложения (сейчас бы

я сказал: свободой от идеологических шор). То есть полной непохожестью на все, чем нас при сталинщине пичкали в школе, где и хорошие стихи русских поэтов, препарируемые идейной заданностью учебников либо объяснений учителей, не доходили до сердца. А ведь настоящая поэзия — это воспаление чувств стихотворца, обжигающее читателя.

Есть у Есенина стихотворение «Море голосов воробьиных...» с малопонятными для непосвященных строками:

Ах, у луны такое
Светит — хоть кинься
в воду.

Эта затемненная метафора — реминисценция (то есть отзвук другого произведения либо воспоминание, приводящее к сопоставлению) легенды о китайском лирике XIII века Ли Пу, которого так заворочило переносимо прекрасное отражение луны в водах Янцзы, что ему захотелось его обнять. Поэт бросился в реку и утонул.

Подобна отражению луны на струящейся воде и поэзия Есенина. Несмотря на откровенности, а может быть, и благодаря им тоже она настолько чиста и привлекательна, настолько непосредственна, а во многих случаях, пусть это и кажется сверхнепривычным, округла, что человек с неочерстевшей душой, вчитавшись (а не всмотревшись, как Ли Пу), входит в нее, как в реку, и тонет в ней.

Она нигде не зовет читателя, не ставит ни в какие рамки, а порой простовато, как деревенская болтушка, порой с оттенком таинственности, как ворожея, говорит ему, что жизнь почти неизбежно печальна, но все же прекрасна, как зеленокудрая береза на цветущем лугу. Уж не за это ли еще в двадцатых годах комиссары от литературы начали отлучать есенинское слово от читающей публики, от народа вообще? Слишком широка она оказалась для прокрустовой ложа дозволенного ими.

Вульгарная критика буквально оплевала его. Вот и Н. Бухарин, которого называли знатком поэзии (теперь-то, прочитав его статьи, мы можем убедиться, что само слово он видел, но за слово заглянуть был совершенно не в силах, а без зоркости, какой же это критик), писал, например: «Говорят нам: крестьянский поэт переходной эпохи... Не совсем так!.. Есенинская поэзия, по существу своему, есть мужичок, наполовину превратившийся в «ухаря-купца»... ухарь припадает сегодня к ножке «Государыни», завтра лижет икону». Дальше Бухарин стегает Есенина за возврат к нашему рабскому прошлому и даже за возврат к Тютчеву (такой укор для культурного человека постыден), хотя есенинское начало совсем из других истоков. Это и не критика вовсе, а обычный разнос даже не поэта, а ку-

харки, что, она испекла не круглый, а четырехугольный пирог. Упоминание же Тютчева полностью обесмысливает для современного читателя сентенции Бухарина. А когда-то на основании подобного бреда Есенина удалось «закрыть».

На самом деле Есенин вышел, отнюдь не из Тютчева, а из Блока, Клюева и отчасти Ширяева. Если у Блока Есенин взял отдельные приемы и мотивы, то с Николаем Клюевым они братья по крови. Сейчас уже никто не отрицает, что свою палитру Есенин во многом заимствовал у Клюева. И ничего плохого в этом нет (ведь чуть ли не вся поэзия Востока — это бесконечные вариации на одни и те же темы). И тем не менее они очень разные. Если Есенин описывает предмет, то Клюев пишет предметом — вещь у него как бы говорит внутренним голосом. Нодаром у него так много пророчества.

Правда, всего Есенина мы не знаем до сих пор. Газета «Книжное обозрение» только что напечатала полный текст его «Послания к Евангелисту Демьяну», где Есенин ведет на моральную Голгофу Демьяна Бедного, которого он называет: «Ефим Лакеевич Придворов», слегка изменив отчество. Документальных данных, что это стихотворение Есенина, нет. Тут можно судить только по манере. Добавлю, что Дмитрий Павлович Смагин, с которым я работал в свое

время в «Забайкальском рабочем» и от которого впервые услышал полный текст «Послания», сам не раз встречался с рыжекудым рязанцем и не сомневался, что автор именно он. К сожалению, во времена, когда Смагин был еще жив, и помыслить было нельзя, что стихи о Демьяне будут напечатаны. А воспоминаний Смагина, хотя знал массу интересного о двадцатых годах, не оставил.

Между тем сейчас разработано несколько версий, по которым Сергей Есенин не покончил с собой, а был насильственно умерщвлен. И, как знать, не сыграло ли то же «Послание» (а за Есениным известно еще немало злых частушек) тут роковую роль? Демьян Бедный был человек влиятельный и мстительный...

Все стихи из тех двух солдатских тетрадей, я в армии выучил наизусть и не раз потом в минуты отдыха читал их друзьям. Его звонкое слово, напоенное грустью, в трудный час помогало и мне самому. Потом я узнал десятки других интереснейших русских поэтов, которые, как нам усердно вдалбливали в голову, «заслуженно забыты». Теперь эти замечательные гранильщики слова возвращаются к природе. Среди них есть и творцы, которые, несомненно, талантливее Есенина. Но на золотой шкапушке поэтов «серебряного века» и монограмма певца с берегов Оки останется навсегда.

М. РОЖКОВ.